

110

АРТЁМ РОТГАНК

Артём Ротганк

Дело 110

«Автор»

2026

Ротганк А. В.

Дело 110 / А. В. Ротганк — «Автор», 2026

На третьем метре разведочной скважины 110М бур ушёл в пустоту. Под плитой из необработанного камня нашли семь дневников, четыреста двенадцать карточек, керн с насечками и рукопись — дело, которое вёл геолог Глеб Санин, последний свидетель исчезнувшего мира. Всё началось с тона, из толщи гранита — там, где нечему звучать. Санин делал то, что делал всю жизнь: замерял, отбраковывал версии, проверял вслепую. Но тон не исчезал, и его слышала его пятнадцатилетняя дочь — и называла дату: «когда птицы улетят». Это не роман о конце света. Это роман о цене доказательства: что можно проверить, что придётся принять на веру и за что нельзя расплатиться даже правдой. О сети, которая старше пирамид. О Жатве, которую никто не заметит. Об отце, который строит камеру тишины, чтобы отвоевать у сигнала единственного человека, и о дочери, которая имеет право выбрать сама. Где кончается документ и начинается вымысел — решать вам. «Тебе, кто поднял ящик: не верь камню на слово. Отбей кусок. Проверь. Услышь».

© Ротганк А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
От автора	7
Пролог.Справка составителей	8
Часть I. СИГНАЛ	9
Глава 1. Порода	9
Глава 2	13
Аномалия	14
Глава 3	19
Объект	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артём Ротганк

Дело 110

Глава 1

Это художественное произведение. Все персонажи, «составители», документы внутреннего мира, события и причинные связи сюжета вымышлены. Реальные публикации, исторические факты и открытые отчёты использованы как материал для научно-фантастической гипотезы и не подтверждают описываемую картину мира. Медицинские действия персонажей являются частью художественного конфликта и не могут рассматриваться как рекомендация. Самостоятельное изменение или отмена противоэпилептических препаратов опасны для жизни: любые решения о лечении принимаются только вместе с врачом.

Отавтора

Я не геолог. Оптику этой книги — керн, профили, привычку доверять тому, что можно измерить или подержать в руке, — я брал взаймы: из полевых отчётов, учебников геофизики и дневников экспедиций. Если где-то рука с молотком описана неточно — это моя вина, не их. Из этой оптики вырос роман: не трактат и не разоблачение, а дело человека, который нашёл невозможный объект и попытался проверить его обычными средствами. Путь к замыслу шёл и через книги, которым верить нельзя, но выбросить которые нечестно: они собраны в конце, на отдельной полке, с этикеткой: не источники фактов — источники вопросов.

Фактура — из открытых источников; список приведён там же. Герои и центральная гипотеза вымышлены. Вымышлена и медицина: то, что испуганный отец делает с лекарствами дочери, — его решение и его риск, не совет; в жизни такие решения принимают только вместе с врачом. Внутреннее правило текста простое: документированное называется документированным, версия — версией. «Необъяснено» означает только «пока не объяснено».

Артём Ротганк

Пролог.Справка составителей

Точку 110-М разместили по сетке разведочного бурения — как сотни точек до неё. Смена выехала утром; после полудня бур пошёл по серому плотному песчанику.

На третьем метре труба провалилась в пустоту.

Для обычной каверны инструмент повёл себя слишком ровно: упал на полметра, будто в люк. Мастер поднял керн, увидел широкий разрыв в колонке и приказал разбирать вручную.

Под щебнем открылась горловина старого шурфа — ямы, когда-то вырубленной в массиве и засыпанной каменным ломом. На дне, в цельной глыбе, была полость под плитой из того же камня. В сухом минеральном наполнителе лежали бумаги.

Сначала вынули верхний пакет: сшитую тетрадь, несколько листов с графитовыми пометами и опись. Ниже, за прослойкой другого состава, стояли два ящика карточек, ещё шесть тетрадей, карты, рисунки, конверты, плоские чёрные носители и каменные цилиндры с грубыми насечками. Почерк в обоих слоях был один, но закладывали их в разное время.

В журнале мастер написал: «14.10. Точка 110-М. Буром вскрыт старый шурф, гл. ~3 м. Извлечён предмет, похожий на архив».

Находку передавали по инстанциям, пока бумаги не попали к тем, кто умел читать старые дела, — к нам. Мы назвали себя составителями. Прочитали семь дневников, сверили опись, проверили геологию места и разослали копии в семь адресов, не доверяя одному.

Имя автора мы восстановили по внутренним документам: Санин Глеб Арсеньевич, геолог. Его биографию подтвердить не удалось.

Дальше — дело как есть. От первой строки до последней.

Часть I. СИГНАЛ

Глава 1. Порода

Эту запись я сделал 3 июля, задним числом. А случилось всё 22 июня — в день, когда прибор снял тот самый спектр.

Датчик стоял на мёртвом камне, и камень гудел. Ровно, без перерыва, на частоте сто десять герц. Так не гудит земля — так гудит пустая комната, если её вырубить в скале руками. Но никакой комнаты там не было. Был сплошной камень.

Я ставлю эту запись первой, потому что всё остальное — люди, догадки, случайности — можно оспорить. Спектр тоже можно оспорить: прибор мог соврать, оператор мог перепутать файл, кабель мог поймать наводку. Именно поэтому я снял спектр ещё дважды, на другой аппаратуре, и только потом сделал три копии. Две спрятаны надёжно. Третья лежит в деле как вложение 1.

Но за два дня до того, утром двадцатого, никакого вложения ещё не было.

Был керн. Был чай. Было восемь ящиков породы, на которые я собирался потратить обычный день.

Керн — каменный столбик, который бурильщики вытаскивают из скважины, как длинную пробку из бутылки. Скважина идёт вниз, а керн выходит наверх и привозит с собой порядок слоёв. По нему геолог читает землю: метр за метром, вниз на сотни метров, вглубь на миллионы лет.

Для меня это обычная работа. Как для бухгалтера ведомость, только бухгалтеру цифры не приходится отмывать от бурового раствора.

Первый ящик лежал у северной стены бытовки, второй — под окном, остальные вытянулись вдоль нар. На крышках: номер скважины, интервал, дата подъёма. Бурильщики подписывают крупно, потому что мелкий почерк в дождь живёт меньше часа. Я шёл вдоль ящиков с лупой, ножом и кружкой. Отмечал слюду, редкие прожилки кварца, угол слоистости. За стеной чихал дизель. На крыше ходили чайки, хотя до моря отсюда было столько, что им полагалось быть другими птицами.

Керн был серый, плотный, скучный. Хороший, честный песчаник — «камень-полка». Ровный, как полка в шкафу. Тысячи лет на метр.

Скука смертная, и это лучшая скука на свете: значит, земля ведёт себя как положено.

Единственная странность нашлась в четвёртом ящике. Трещина пересекала столбик почти под прямым углом к системе естественных отдельностей. Не невозможный угол. В геологии слово «невозможно» употребляют либо студенты, либо начальники перед отчётом. Но неправильный. Трещина была тонкая, залеченная светлым минералом, и с одной стороны стенка выглядела так, будто по ней прошли плоским инструментом.

Я повернул кусок к окну. Потом к лампе. Провёл ногтем. Ноготь ничего не доказал.

На стенке не было следов резца. Не было их и не должно было быть: глубина скважины исключала всякие резцы. Просто ровная поверхность на двух ладонях породы. Природа умеет прямые линии. Она вообще умеет почти всё, что человек объявляет своим изобретением. Но делает это не там, не так и не сериями.

Я отметил трещину карандашом и написал на перегородке ящика: «ПРОВЕРИТЬ УГОЛ / НЕ ПИЛА». Последние два слова добавил, чтобы человек, который откроет ящик после меня, не сочинил пилу раньше анализа.

Это была самая интересная находка утра.

Вот так выглядит моя работа. И вот так выгляжу я в ней, если верить Лере: человек, который разговаривает с камнем вполголоса, потому что боится его перебить.

Лера Вихорева пришла к десяти. На ней был зелёный полевой костюм, слишком новый для нашей партии, и кроссовки, уже проигравшие мокрому щебню. Она моложе меня на четырнадцать лет, острая на язык, и у неё два правила: не верить мне и верить компьютеру. У меня тоже два правила: не верить компьютеру и ходить смотреть своими ногами.

На третий месяц работы выяснилось, что правила у нас не противоположные. Просто она начинала проверку с одного конца, я — с другого.

— Глеб Арсеньевич, — сказала она и положила распечатку прямо на керн.

Я без слов переложил лист на табурет.

— Тут закономерность. Пять сезонов магнитной съёмки. Видишь линию?

Я видел. Через лист шла бледная диагональ, собранная из слабых отклонений. В каждом отдельном сезоне её можно было принять за край планшета, ошибку привязки или работу оператора. Лера совместила пять сезонов, выровняла по контрольным точкам — и линия проступила.

— Что ты с данными делала?

— Ничего преступного. Нормализация по суточному ходу, потом медианный фон, потом свела сетки. Сырые рядом.

Она протянула второй лист прежде, чем я успел попросить. Это в Лере я ценил больше характера: контраргумент она приносила сразу, даже когда спорить ещё никто не начал.

— Я бы сюда буровую ставила, — сказала она.

— Линию вижу. А землю по этому месту ногами мерил?

— Я мерил её спутником.

— Спутник не щупает. Пойдём.

Мы вышли в половине одиннадцатого. До линии по её планшету было четыре километра. По земле четыре километра бывают любой длины: здесь их растянул мокрый склон. Под сапогами ходил делювий — щебень с глиной, который вода медленно тащит вниз. Лера дважды провалилась по щиколотку и оба раза сказала, что спутник подобных унижений не предусматривает.

На первом выходе породы я показал ей тот же песчаник, что лежал в ящиках. На втором — выветрелый край гранитного массива. Ничего, что объясняло бы прямую линию в данных. Никакой жилы, контакта или разлома, который можно провести карандашом.

— Значит, глубже, — сказала Лера.

— Или в обработке.

Она достала планшет и открыла сырые значения. Мы привязались к старому реперу, повторили короткий профиль переносным магнитометром. Я нёс прибор, она ставила точки. На двухстах метрах линия не появилась. Фон гулял обычно: здесь выше, там ниже, на железной пряжке моего рюкзака подпрыгнул так, как положено, — эту точку Лера вычеркнула и заставила меня снять рюкзак.

Это был отрицательный результат. Я записал его в маршрутный лист и заставил Леру расписаться рядом.

— Чтобы потом торжественно предъявить?

— Чтобы потом не забыть, что сегодня твоя линия умерла.

— Она не умерла. Мы её не нашли.

— Хорошая формулировка.

В этом месте она была права. «Не нашли» и «нет» — разные записи. Первая оставляет работу, вторая закрывает её. Закрывать было рано.

Мы прошли до обеда. Земля рассказала совсем другое, чем экран: обычный выход той самой скучной породы, дальше бугры и щебень, никакой романтики. Места для буровой не

было — техника утонула бы раньше первой трубы. Лера спорила до последнего гребня, потом сама сфотографировала площадку и подписала: «Доступ отсутствует. Наземное подтверждение линии не получено».

Так у нас заведено. Она находит закономерность в данных, я заставляю её проверить закономерность ногами. Она говорит, что я торможу прогресс. Я говорю, что прогресс не платит за пустые скважины.

На обратном пути у старой сейсмической установки загремел кожух. Лера поморщилась: этот визг потом вырезать из записи.

Я показал ей старый фокус нашей бригады. Между опорой и рамой стояли кварцевые фильтры: простая слоёная сборка, которая принимала лишнюю вибрацию и съедала её прежде, чем та доходила до датчика. Машина, которой полагалось визжать на весь диапазон, в записи становилась тише.

— Камнем по камню, — сказал я.

— Дичь, — ответила Лера. — Есть нормальные цифровые фильтры.

— Цифровой фильтр убирает шум после того, как тот уже пришёл. Этот не пускает.

— И всё равно дичь. Но работающая.

Она присела, сфотографировала узел и измерила толщину кварцевой пластины. В тот день это было продолжением нашего спора. Я записываю эту мелочь потому, что дальше она станет чертежом. Всё, что случилось потом, начиналось с таких вещей, которые в момент находки не заслуживали отдельной строки.

Камнем по камню.

Вечером позвонили по спутниковому телефону. Связь у нас открывалась дважды в сутки, и голос в трубке звучал так, будто человек говорил из прошлого года.

Звонила не Уля.

Медсестра из приёмного покоя говорила ровно, как говорят люди, которые повторяют одно и то же много раз в неделю: ваша дочь, Санина Ульяна, доставлена сегодня в шесть сорок; состояние средней тяжести; сейчас стабильное; картина та же.

Я спросил про судороги, давление, дыхание. Спросил, кто дежурный врач и оставили ли её на ночь. Всё это я умел. У меня была последовательность вопросов на такой звонок, выученная лучше техники безопасности.

Потом спросил, что Уля говорила перед приступом.

Медсестра замолчала — сверялась с листом.

— Говорила, что тон стал ближе. Мы записали. Она всегда про тон говорит.

Я сказал спасибо. Сказал, что приеду через месяц, как закрою маршрут. Попросил передать, что позвоню утром. Произнёс всё, что положено.

После отбоя стоял у бытовки с трубкой в руке. Солнце висело над склоном и не собиралось садиться. Летом на Колыме свет остаётся дольше человека; ночь наступает по часам, а не по небу.

Лера вышла «покурить». Она не курит. Просто выходит, чтобы я не стоял один, и думает, что я этого не понимаю.

— Стабильно? — спросила она.

— Сейчас да.

Она кивнула и села на ступеньку. Про тон не спросила. Я был ей за это благодарен и одновременно зол — не на неё, на пустое место, где должен был находиться ответ.

Вот в чём моя беда. Трещину в камне я вижу на километр. Могу отбить кусок, положить под микроскоп, назвать породу и возраст события. А в трубке у меня дочь, которая с семи лет говорит про низкий тон, и всё, что я умею, — задавать медсестре правильные вопросы.

Когда Уле было семь, мы ездили с ней на Берёзовый. Ира — моя жена, её мама — была жива и отпустила нас с условием «шлем и жилет», хотя жилет в сопках не помог бы ни от чего. Уля нашла плиту кварцита, плотную, звонкую, постучала по ней костяшками и спросила:

— Пап, камни поют, если их правильно бить?

Я сказал: поют, если подобрать частоту. Показал, как один кусок отвечает на другой, объяснил про собственный тон и резонанс. Она слушала с лицом человека, которому пересказывают сказку, известную лучше рассказчика.

Это было до больницы, до диагноза, до шкафа с таблетками. Я записываю это, чтобы в архиве она с самого начала была живой, а не только больной.

Ночью я не спал. Свет стоял за шторой, как в больничном коридоре. На столе лежала Лерина распечатка с линией, которую мы не нашли ногами. Отрицательный результат не давал мне покоя именно потому, что был честным. Если линия рождалась только после сведения пяти сезонов, значит, либо она была ошибкой сведения, либо в коротком наземном профиле мы выбрали не то место и не тот масштаб.

Я достал старые карты магнитной съёмки восьмидесятых. Бумага плотная, края в трещинах, координатная сетка проведена рукой. Снимали люди, которые умели работать без кнопки «отменить»: каждая ошибка оставалась на листе и потому заставляла думать до карандаша.

Сначала я проверил Леру. Наложил её линию на старые планшеты. На первом совпадение было слабым. На втором линия уходила на полсантиметра — много для карты, мало для сорока лет разных привязок. На третьем проступила полностью: узкий пояс с одинаковым направлением, пересекающий границы листов.

Его видели до нас.

Не обязательно поняли. Не обязательно скрыли. Но видели: на двух профилях точки сгущались у границы, словно оператор возвращался и перемерял. Рядом не было подписи, номера аномалии или обычного «проверить». Только на обороте третьего листа стояла косая черта простым карандашом. Не знак. Может быть, человек пробовал грифель.

Я положил сверху кальку, обвёл пояс и измерил ширину. Около полутора километров. Направление — с северо-запада на юго-восток. Та самая линия Леры, только старая и немного сдвинутая.

Аномальный пояс — это пока не объект и не тайна. Это место, где величина ведёт себя не так, как вокруг. Большинство аномалий заканчиваются породой, рудой или ошибкой. Хорошая аномалия заканчивается месторождением. Плохая — отчётом о том, почему денег больше нет.

Я написал на кальке: «ПРОВЕРИТЬ ПОЛНЫМ ПРОФИЛЕМ». Потом ниже, после паузы: «НЕ СОВПАЛО С КОРОТКИМ».

Последняя строка была важнее первой.

Перед сном я записал в журнал время звонка из больницы: 18:12; Улю привезли туда в 6:40 утра. Рядом положил Лерину распечатку. Никакой связи между ними не было. Одна бумага — о поле, другая — о дочери. Я не проводил линию.

Уля сказала врачам: тон стал ближе.

Я записал это здесь, потому что больше некуда.

[Прим. сост.: вложение 1 — спектр, о котором автор пишет в начале главы. В деле находятся три бумажные копии с одинаковой временной меткой и указанием трёх каналов записи, хотя сам автор пишет, что вложил в дело одну. Как попали остальные две, мы не знаем. Частота максимума — 110 герц. Калька с первым обводом пояса вложена в дневник отдельно; на ней действительно стоят две записи: «ПРОВЕРИТЬ ПОЛНЫМ ПРОФИЛЕМ» и «НЕ СОВПАЛО С КОРОТКИМ». Вторую запись составители считают существенной: автор сохранил отрицательный результат до того, как получил положительный. Пояснений о природе тона мы здесь не даём.]

Глава 2

Аномалия

Записи 21–30 июня.

21 июня.

Полный профиль я назначил на следующий день после короткого. Запись в главе первой начинается двадцать вторым — днём, когда встали датчики, — не потому, что я перепутал даты. Я начал дело со спектра, а не с маршрута. Спектр — документ. Маршрут до него был только рабочим днём.

Пояс, который я обвёл на старых картах, лежал в двух часах ходу от базы — по карте. По земле вышло три. В верховьях деловой держал воду, как губка. Идёшь не туда, куда смотришь, а туда, где нога не проваливается. К обеду сапоги весили по ведру каждый.

Лера несла два магнитометра. После вчерашнего отрицательного профиля она не собиралась доставлять мне удовольствие объявить линию компьютерным призраком. Один прибор был штатный, второй она взяла со склада и опечатала полоской бумажного скотча поперёк разёма.

— Чтобы вы ночью внутрь магнит не положили, Глеб Арсеньевич.

— Я бы положил снаружи. Внутри грубо.

Она проверила скотч.

Я взял молоток, мешки для образцов, бумажную карту и компас. Планшет оставил ей. Не из принципа: дождь начинался, а бумажную карту можно высушить на печке. Планшет после печки становится дорогой разделочной доской.

На первом километре оба прибора показывали обычный фон. Лера ставила точку через двадцать пять метров, я отмечал породу. Гранит выходил пятнами между щебнем: крупнозернистый, одной генерации, без видимых контактов. На втором километре штатный прибор качнулся вниз, вернулся, потом начал медленно уходить.

— Стойте, — сказала Лера.

Я остановился.

— Шаг назад.

Сделал.

Цифры вернулись.

— Вперёд.

Снова поплыли. Не скачком, как от железа в рюкзаке. Плавно, будто прибор терял представление о величине, которую мерил.

Лера сняла рюкзак, вынула второй магнитометр, показала мне целую печать. Второй повторил первый. Она положила рядом обычный компас. Стрелка стояла на север уверенно.

Север был севером. Солнце — солнцем. А два магнитометра показывали, что мы вошли в место, где поле медленно теряет величину. Компас видит направление, магнитометр — силу. Направление стояло. Сила плыла.

— Они оба битые, — сказала Лера.

— Одним способом?

— Из одной поверки.

Это было разумно. Мы записали номер поверки и прошли границу четыре раза туда-обратно. Потом сняли батареи, поменяли их местами, дали приборам полежать десять минут. Я вынес всё железное на двадцать метров: молоток, пряжку, термос. Лера осталась в носках — в её ботинках были металлические крючки.

Картина не изменилась.

Граница была чёткой: шаг — нормальный фон, ещё шаг — уход. Не линия ножа, конечно. Полоса метров в пятнадцать, внутри которой ошибка нарастала. Но для природной зоны пятнадцать метров — это почти лезвие.

Я поставил первую вешку. Лера забила вторую. Дальше мы разошлись вдоль границы: она на северо-запад, я на юго-восток. Каждые сто метров перекликались. Через полчаса голоса стали тише, через час пропали. Граница держала направление.

Встретились у третьего ручья. По моим вешкам и её точкам расхождение составило меньше двадцати метров. Для двух людей, которые шли по камням без прямой видимости, это означало одно: шли мы по одной вещи.

На обратном пути Лера молчала. С ней это бывает редко и всегда означает, что внутри спорят сразу несколько объяснений.

У базы она сказала:

— Короткий профиль вчера стоял на четыреста метров западнее.

Я достал маршрутный лист. Так и было. Мы промахнулись из-за сдвига старой привязки.

— Значит, отрицательный результат остаётся отрицательным, — сказал я. — Вне пояса приборы работают.

— И подтверждает границу.

— Теперь подтверждает. Вчера не подтверждал ничего.

Она забрала лист и дописала: «Контрольная линия вне зоны; фон штатный». Так из неудачи получилась контрольная группа. Хороший опыт отличается от плохого не тем, что всегда удаётся, а тем, что после него известно больше.

22 июня.

Поставили сейсмоку. Три датчика по линии через пояс, запись на сутки. Сейсмический датчик слушает землю, как врач грудную клетку: шаг, удар, далёкий обвал превращаются в линию. На обычной разведке мы сами создаём импульс и по отражению читаем глубину. Здесь нужен был фон — всё, что земля делает без нашей помощи.

Первый датчик сел за западной границей, второй — внутри, третий — за восточной. Лера синхронизировала часы по спутнику и записала расхождение: меньше одной тысячной секунды. Я заставил её записать температуру корпусов и номера карт памяти. Она сказала, что я готовлюсь судиться с планетой.

— Планета старше суда. Бумаги у неё лучше.

Пока шла запись, я ходил по склону и отбивал образцы. Порода — однородный гранитный массив: одна генерация, один расплав, никаких контактов. Трещины редкие, залеченные. В двух местах взял ориентированные штUFFы — куски с пометкой, где верх и север, чтобы потом не сочинять направление по памяти.

Мёртвый камень в хорошем смысле ничего не должен делать. Он лежит полтора мильионов лет и молчит. За это я его уважаю.

К вечеру Лера свела магнитный профиль. Пояс получился около полутора километров шириной и шёл с северо-запада на юго-восток. Внутри не было одного центра или пика, как над рудным телом. Приборы теряли фон по всей ширине, а на выходе находили снова.

— По земле так не бывает, — сказала она.

— Бывает всякое.

— Я не про аномалию. Я про края. Природные зоны мохнатые. Этот кто-то подрезал.

Слово «кто-то» я вычеркнул из её полевого листа. Она написала сверху: «края подрезаны». Это уже было наблюдение, а не автор.

Ночью ветер усилился. Я просыпался дважды и радовался: если на записи окажется гул, будет с чем сравнить.

23 июня, вечер.

Сняли датчики. Карты памяти я раздал: одну Лере, одну оставил себе, третью запечатал в конверт и расписался на клапане — до окончания обработки. Это не было недоверием. Это был способ не заразить три результата одной ошибкой.

Генератор заглушили в десять. Я сидел в бытовке на аккумуляторах и разбирал свой канал. В записи были ожидаемые вещи: ветер по останцам, шаги у второй точки, далёкий гул реки, два коротких удара — я отбивал образец в известное время. И узкая полоса, которой не полагалось быть.

Сначала я принял её за курсор программы. Увеличил. Полоса осталась. Выключил отображение сетки. Осталась.

Сделал спектральный разбор — разложил запись на частоты, как свет раскладывают в радугу. На сто десяти герцах стоял максимум. Не широкий холм природного шума, а чистый зубец.

Я повторил расчёт другим окном. Потом третьим. Сохранил настройки, перезапустил программу и загрузил сырые данные заново.

Сто десять.

Сто десять герц — сто десять колебаний в секунду. Амплитуда была мала, но за сутки не дышала и не плавала ни на секунду. Ветер менялся, река менялась, температура корпуса прошла шесть градусов. Тон стоял.

Так не гудит земля. Земля шумит пачкой частот, и шум её гуляет с погодой, приливом, техникой, далёким поездом. Ровный тон обычно выдаёт резонатор: полость, камера, труба, в которой волна укладывается целое число раз. Пустая бутылка отвечает одной нотой, если подуть в горлышко.

Но я весь день отбивал массив. По поверхности там не было ничего, что обещало полость.

Я вышел на крыльцо. Лера сидела на ступеньке с ноутбуком. Лицо у неё было то самое — когда объяснения внутри закончились, а произносить это вслух ещё рано.

— Прибор исправен, — сказала она.

— Жаль.

— У меня сто десять. А у тебя?

Я показал экран.

Она не стала наклоняться. Только спросила:

— Конверт открываем?

Открыли третий канал при свидетелях: позвали мастера смены, показали целую подпись на клапане. Он счёл нас сумасшедшими, но расписался. На третьем датчике стоял тот же зубец. Снаружи пояса слабее, внутри сильнее, с другой стороны снова слабее.

Три канала. Одна частота. Пространственное усиление внутри зоны.

Мы ничего не праздновали. Когда прибор подтверждает то, чего быть не должно, правильная реакция — искать, где ты обманул прибор.

24 июня. Ветер.

Первая нормальная версия: гребень над поясом свистит на ветру. Останцы стоят зубьями; щель между ними могла работать как горлышко бутылки.

Поставили анемометр у гребня и ещё один датчик с подветренной стороны. Ветер к вечеру упал с девяти метров в секунду почти до нуля. Тон не изменился по амплитуде и фазе. Ночью пошёл боковой порыв — опять без изменения.

Версию закрыли. Ветер в журнале остался: не как ошибка, а как убитое объяснение.

25 июня. Лёд.

Вторая версия: линза мерзлоты, сезонное подтаивание. Мерзлота умеет щёлкать, стонать и подгуживать. У края зоны пробили шурф и взяли температурный профиль. Деятельный слой был обычный — оттаявший верх над мерзлотой, по норме конца июня. Линзы, способной дер-

жать чистую частоту, не нашли. Главный удар по версии пришёл не из шурфа: ночью температура упала, днём поднялась, а тон не сдвинулся даже на ширину зубца.

Лёд так не умеет. Его размеры меняются с температурой, вместе с ними должна уходить частота.

Версию закрыли условно: «не подтверждена; температурной зависимости нет». Я не написал «льда нет». Мы видели только край.

26 июня. Техника и мы сами.

Третья версия: дальний насос, линия электропередачи, военный объект, что угодно, имеющее двигатель. По карте ближайшая постоянная техника жила за четыреста километров. Мы запросили график через диспетчера. У техники были остановки. У тона — нет.

Но география сама по себе ничего не доказывала. Низкая частота умеет ходить далеко. Сто десять по грунту гложут быстрее, но «должно гложуть» в журнал не запишешь. Мы поставили датчик в пяти километрах от пояса, на автономном питании, без кабелей. Другой увезли ещё дальше, за водораздел. На первом тон сохранился, на втором ослаб до фона. Это указывало на местный источник, но не называло его.

Четвёртую версию предложила Лера: наш собственный тракт обработки. Частота сети питания, гармоника, программный фильтр, одинаковая прошивка приборов.

Эта версия была единственной умной, потому что объясняла сразу три одинаковых результата.

Мы повторили разбор на её ноутбуке другой программой. Потом сняли короткую аналоговую запись старым прибором без общей прошивки. Вынули штатные блоки питания, перешли на батареи. Поменяли частоту дискретизации — способ, которым прибор режет время на маленькие отсчёты. Если зубец рождался внутри программы, он должен был сместиться или рассыпаться.

Он остался на ста десяти.

Лера распечатала последний спектр и сверху написала: «Не сетевое питание. Не алгоритм. Не общий тракт».

Я добавил: «В пределах выполненных проверок».

Она фыркнула, но не зачеркнула.

Три дня мы убили на то, чтобы объяснить тон нормально. Каждая версия умерла честной смертью. Это не означало, что ненормальная версия стала верной. Означало только, что список объяснений опустел.

После двадцать шестого у меня кончились нормальные существительные. Осталось одно, газетное, которого я не люблю.

Я написал в полевом дневнике:

«ИСТОЧНИК?»

Вопросительный знак поставил отдельно, жирнее слова.

27 июня.

В окно связи дозвонился до Магадана. Уля была дома, у тётки. Голос обычный, живой. Между приступами она умеет быть совсем здоровой, и эти окна я берегу как паузы между залпами.

Она рассказала, что перешла на следующий год без пересдач, пожаловалась на физичку и спросила, какой сегодня камень. У нас старая игра: по камню в день, как сказку. Я описал гранит со склона — серый, крупный, скучный. Она такие не любит.

Потом замолчала и спросила:

— Пап. А ты теперь тоже слышишь?

Я не понял. Сказал, что связь хорошая и я её слышу. Она ответила «да не-е» с терпеливым вздохом, которым пятнадцать лет разговаривают с сорока шестью, и перевела разговор на школу.

Я не вернулся к вопросу.

Она не спросила, что я слышу. Она спросила, присоединился ли я к тому, что давно идёт.
28–30 июня.

Два дня заняла основная работа. Мы всё-таки партия, у нас план. По вечерам я складывал данные по поясу в отдельную папку. Не в общую. Для проверки, говорил себе: чтобы не разносить сырой результат.

Тридцатого достал Улину медицинскую папку. Копии вожу с собой по привычке: выписки, ЭЭГ, назначения. Мне нужна была дата последнего приступа для таблицы врача.

Лист ЭЭГ лёг рядом со спектром. Так вышло: искали бумагу, а нашли друг друга. Две линии чужой работы. Одна — прибор на мёртвом камне. Другая — мозг моей дочери за восемьсот километров.

Я заметил сходство ритма и отодвинул лист.

Не потому, что сходства не было. Потому, что человеческий глаз любит узнавать картинку раньше расчёта. Нельзя сравнивать частоту по виду двух распечаток с разными шкалами. Это всё равно что объявить два хребта одинаковыми по фотографии.

Я записал даты и закрыл папку. Сравнить временные ряды правильно мне пришлось в голову через неделю.

Первая реакция была не прозрение. Первая реакция была — убрать медицинский лист, чтобы не помялся.

Я всю жизнь прожил глазами геолога: сначала документ, потом вывод. Здесь повёл себя так же. И потерял неделю.

[Прим. сост.: вложения 2–5 — спектры от 23.06 и 26.06, карта пояса с вешками автора и копия листа ЭЭГ У. Саниной. К делу также подшит конверт третьего канала; подпись мастера смены на нём сверить не с чем: производственных журналов партии в деле нет — отмечаем это как ограничение. Четыре отвергнутые версии перечислены на отдельном листе с графой «что могло остаться непроверенным». Мы не называем их окончательно опровергнутыми: автор этого не сделал. Вопросительный знак после слова «ИСТОЧНИК» в полевом дневнике действительно продавил следующую страницу.]

Глава 3

Объект

Записи 1–8 июля.

1–3 июля.

Тон длился неделю, и я поехал искать ему тело.

Склон в маршрутных листах зовётся Нандой — по ручью. Дальше так и пишу.

Слово «источник» в полевом дневнике — не вывод. Заявка. Источник должен где-то сидеть: в точке, объёме, стыке пород. У меня было два следа одного зверя: пояс на магнитной карте и узкая полоса в записи. Оставалось определить, относятся ли они к одному явлению.

Я начал с сейсморазведки. Метод долгий и честный: расставляешь датчики, создаёшь импульс и слушаешь эхо. Потом сдвигаешься и повторяешь. По времени возврата волны порода показывает внутренние границы — слои, трещины, линзы. Примерно так врач простукивает лёгкие, только пациент весит горный массив и не сообщает, где болит.

Первый профиль прошёл поперёк пояса. Второй — параллельно. Третий я заложил со смещением, чтобы не унаследовать ту же геометрическую ошибку. Лера проверила координаты и спросила, что именно мы ищем.

— Пока ничего.

— Это очень удобный объект поиска.

— Ищем границы, которые повторятся на независимых линиях.

— Вот это уже протокол.

Первые два разреза были обычными. Рыхлый верх, ниже массив, несколько трещин, одна зона дробления. На третьем под делювием появилась отражающая граница. Глубина около сорока метров. Длина по профилю — сто двадцать. Ровная.

Я увеличил масштаб. Иногда программа соединяет редкие точки красивой линией и предлагает человеку собственную ложь в удобном виде. Выключил сглаживание. Линия стала шероховатой, но не исчезла. Пересчитал скорость по двум моделям. Глубина сдвинулась на несколько метров; форма осталась.

Граница шла под углом к поверхности, а в конце поворачивала вниз. Почти под прямым углом.

В камне прямые линии не врут — они задают вопрос. Пласт лежит, как лёг. Разлом ломает, как сломал. Шток льётся, как потёк. Природная граница может быть ровной на участке, может пересекаться с другой под любым углом, может даже выглядеть стеной. Но когда одна отражающая поверхность сто двадцать метров держит направление, а затем уходит вниз без переходной зоны, геолог обязан проверить геометрию отдельно от желания её увидеть.

Я не стал показывать разрез бригаде. Съездил за вторым комплектом датчиков и заложил четвёртый профиль под другим углом.

Он дал ту же грань.

Пятый пересёк предполагаемый край. Там отражатель обрывался.

Шестой мы сделали слепым способом: Лера выбрала линию, не сообщив мне координаты до окончания обработки. Я в это время описывал породу на другом конце склона; запись получил под номером, без привязки. Вечером она обработала данные сама. Я — отдельно, на другом наборе скоростей.

Наши разрезы различались деталями, но под склоном сидела одна и та же форма.

Лера смотрела долго. Потом сказала:

— Мёрзлая линза с ровной кровлей.

— Сто двадцать метров и стенка?

— Бывают ровные кровли.

— А стенки под девяносто?

— Не бывают. Я просто предложила.

— И стенку сейсмика не рисует. От вертикали эхо к нам не возвращается. Мы видим обрыв кровли и дугу дифракции на краю. Ваши «девяносто» — по дуге.

— Так и запишем: стенка — интерпретация обрыва.

Она взяла красный карандаш и на своём разрезе не обвела прямоугольник. Вместо этого отметила каждую независимо видимую грань. Это была правильная работа: объект складывается из границ только после того, как границы доказаны по отдельности.

К ночи у нас было четыре подтверждённые поверхности, две вероятные и одна зона, где сигнал терялся. Слова «камера» или «сооружение» в журнале не появилось.

Я написал: «геометрическая аномалия».

Лера добавила: «требует независимого метода».

4 июля, дописано шестого.

Я написал в институт официально. Координаты, профили, методика, сырые файлы, описание ошибки. Вывод сдержанный: «обнаружена аномалия геометрического характера; требуется комплексное обследование». Спектр 110 герц приложил в числах и отдельно указал, что связь между тоном и отражателем не установлена.

Слово «источник» не написал. За него в науке бьют по рукам, и правильно делают.

Ответ пришёл через два дня. От Соболева. Виктор Павлович — доктор наук, мой старший, человек, который помнит мои отчёты лучше меня и однажды вернул мне главу из-за слова «очевидно»: если очевидно, сказал он, покажи на разрезе; если показать нельзя, значит, тебе просто нравится.

Привожу письмо целиком.

«Глеб, привет. Посмотрел. Профили сделаны аккуратно, спору нет. Но ты читаешь их против правила, которому я сам тебя учил: самая красивая линия на разрезе — не доказательство, а вопрос. Прямые границы бывают у мёрзлых линз, у даек с ровными контактами, у обрушений по системам трещин. А ты собрал их в объект — и это уже не геология. Это парейдолия.

Помнишь Горную Шорию? Лет двенадцать назад блогеры объявили мегалитом обычный скальный выход: стенки ровные, блоки прямоугольные. Оказалось — отдельность плюс выветривание. Геологи объяснили это устало и навсегда. Твоя Нанда — то же самое, только без блогеров.

Давай так и оставим. По тону: фон бывает странным, ты сам знаешь. Ищи приборную ошибку. Отчёт по плану жду в срок. В. П.»

Парейдолия — когда мозг видит лицо в пятне и предмет там, где есть только набор линий. Соболев был прав по форме. Сильнее его аргумента у меня ничего не было. Шорию я когда-то разбирал: ровная снаружи, мохнатая внутри, отдельность шла по породе. Нандские границы резали структуру массива. Но это различие ещё требовалось доказать.

Меня задело не содержание. Скорость. Два дня на неизвестную аномалию в разгар сезона, когда институт отвечает неделями. И формулировка «давай оставим»: не «проверь», не «не хватает метода», а закрытие.

Я позвонил. Связь с институтом шла через диспетчера. Соболева на месте не оказалось. Секретарь сказала, что он в архиве. В разгар полевого дня доктор наук мог быть в архиве, ничего странного.

Вечером пришёл факс с первой страницей моего же письма. В углу стоял входящий номер, ниже — резолюция чужой рукой: «Не имеет значения для производственной программы». Резолюция была нормальной. Мы действительно не искали подземные комнаты. Но профиль ещё никто не включал в производственную программу, чтобы успеть исключить.

Под подписью Соболева было зачёркнуто слово. Три или четыре буквы, густо. Я поднёс лист к лампе. Не прочитал. Нажим был сильнее, чем в самом письме.

5–6 июля.

Два дня непогоды я просидел над валунными описями — и над Патомским кратером. Не ногами: до него отсюда полторы тысячи километров тайги. Я видел его один раз, много лет назад, — попутный борт до Бодайбо взял меня с собой. Хотел снова спросить у камня, как ему живётся без объяснения, — хотя бы по памяти и по старым полевым книжкам.

Кратер стоит в тайге конусом, сорок метров высотой, сложен дроблёным известняком. Гора битого камня среди пород, которые не дробились во что-либо подобное. Его нашёл геолог Колпаков в 1949 году. С тех пор проверяли метеоритную, вулканическую, газовую и совсем экзотические версии. Экспедиции РАН отвергли метеоритную версию; основной круг объяснений стал эндогенным, геологическим, хотя конкретный механизм и последовательность формирования продолжают обсуждать. «Нет общепринятого объяснения» было бы слишком сильной фразой: правильное — нет одного бесспорного механизма внутри естественной модели.

Это не делает кратер искусственным и не доказывает Нанду. Необъяснённое не собирается автоматически в один заговор. Наоборот: Патом напоминал, что природа имеет право оставаться без нашего ответа дольше человеческой карьеры.

Я сидел над старой полевой книжкой и переписал в блокнот две колонки.

В первой — что Соболев объясняет природой: прямые границы, странный фон, мою готовность собрать фигуру.

Во второй — что его версия пока не закрывает: пересечение внутренней структуры, повторяемость на независимых профилях, локальное усиление тона, резкость границ магнитного пояса.

Колонки были неравны. В первой стояли известные классы процессов. Во второй — особенности одного объекта. По правилам науки первая сильнее, пока вторая не даст проверяемое предсказание.

Предсказание я сформулировал там же: если под склоном существует единая геометрическая структура, новые профили должны показать согласованные пропорции и общую ориентацию, а не просто ещё несколько прямых линий.

К вечеру шестого я решил сделать полный цикл тайком. Не от врагов — они мне не снились. От коллег. «Чтобы не травмировать людей непроверенным», — так сформулировал для себя.

Позже меня спросят — другими словами, — чем моё «ради их пользы» отличается от любого другого ограничения. Ответа не будет.

7 июля.

Восемнадцать коротких профилей за день: в июле здесь светло почти круглые сутки. Две бригады, кувалда вместо взрывчатки, плотная сетка, магнитная съёмка и спектры в шести точках. Лера согласилась не потому, что поверила в объект. Она хотела убить красивую фигуру количеством данных.

Перед началом мы записали критерии.

Если грани меняют направление от профиля к профилю — природная система трещин.

Если тон не следует геометрии — два разных явления.

Если пропорции зависят от выбранной модели скоростей — артефакт обработки.

Если магнитная граница не совпадает с краем отражателя — пояс не относится к объекту.

К вечеру картина сложилась.

Грани держали направление. Углы в пределах разрешения оставались прямыми. Пропорции не расплзались при пересчёте скоростей. Магнитный пояс был шире тела, но его центральная ось совпадала с длинной осью геометрии. Тон усиливался над предполагаемой кровлей и слабел к краям.

Это ещё не говорило, из чего объект сделан. Сейсмика показывает контраст свойств, а не табличку с названием материала. Я мог утверждать только: под склоном существует объём, отличающийся от окружающего массива и имеющий устойчивую геометрию.

Но контакт был неправильный.

Я отбил тридцать образцов по поверхности и поднял старый керн ближайших скважин. В нормальном включении чужое тело спорит с породой: есть зона дробления, изменение минералов, трещины, след давления или температуры. По поверхности и старому керну — ни зоны дробления, ни изменённых минералов над проекцией тела. А в сейсмике скорости к грани не ломались, а подходили плавно, без той каши, которую ждёшь у внедрения. Массив не был разбит. Он лежал вокруг формы так, будто формировался вместе с ней или нарастал позже.

Слово «законсервировано» пришло на склоне и не вышло.

Не разрушено. Не забыто. Убрано в землю до другого времени.

Я написал это на отдельной карточке и сверху крупно: «ИНТЕРПРЕТАЦИЯ». Под ней перечислил наблюдения. Лера прочла.

— «Убрано» предполагает того, кто убрал.

— Поэтому карточка не в отчёте.

— И не будет?

— Пока нет.

— Вы уже решаете за всех, что им рано видеть?

Я ответил, что решаю только за сырой материал. Она сложила карточку пополам и вернула. Разговор кончился, но вопрос остался.

Вечером позвонила Уля. Спросила, почему я тихий. Я сказал: устал. Потом вспомнил вещь из тех, которые записываешь как семейный курьёз.

Уле всегда было лучше в железной бытовке. В городе приступы, в больнице приступы, а когда брали её в поле и укладывали в гудящем вагончике на сваях — тише. Она сама говорила: «В железном голова не звенит».

Врачи объясняли это режимом, воздухом, отсутствием школы. Разумно. Я тоже так объяснял.

После звонка подошёл к стене бытовки и положил ладонь на железо. За стеной работал генератор. Кварцевые фильтры под рамой съедали лишнюю вибрацию. Внутри действительно было тише, чем снаружи, но не на слух. В записи.

Я ничего не вывел. Сделал помету: «ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРПУС / СРАВНИТЬ ПРИСТУПЫ В ПОЛЕ».

8 июля, ночь.

Проснулся в начале четвёртого от ощущения, что кто-то включил двигатель за стеной. Звука не было. Давило на грудь и зубы. В кружке на столе шла мелкая рябь.

Я подумал о землетрясении. Сейсмический датчик уже писал. На экране основной тон стоял на месте — 110 герц. Под ним появилась вторая полоса, ниже слышимого диапазона.

Ниже двадцати герц. По привычке пишу «инфразвук», хотя писал это сейсмический датчик — грунт, не воздух; микробарографа у нас не было, и о воздухе я мог судить только по давлению на грудь. Слово оставляю как условное. Не отдельный короткий толчок, а мода — собственный устойчивый тон системы. Она шла пакетами: нарастание, пауза, повтор. Интервалы я засёк уже потом, под утро: около сорока минут.

Разбудил Леру. Она пришла босиком, с ноутбуком под мышкой, посмотрела на рябь в кружке и первым делом переставила её на пол. Потом проверила датчик.

— Может быть микросейсм, — сказала она.

— С нарастанием и паузой?

— Может быть что угодно, пока второй канал не снят.

Мы сняли. Второй канал подтвердил пакеты. Третий, за краем пояса, видел их слабее. Структура шла из той же зоны.

Неделю камень гудел. В эту ночь гул получил ритм.

В 03:52 зазвонил спутниковый телефон. Связь вне окна почти не проходила. Я ответил со второго сигнала.

Магаданская больница. У Ули тяжёлый приступ, самый длинный за год. Начало — 03:04 по больничным часам; часовой пояс у нас с Магаданом один, пересчитывать нечего. Первая инфразвуковая пачка на датчике — 03:04:12. Медицинская запись давала время только до минуты.

Разница могла быть от нуля до сорока восьми секунд. На восьмьсот километров это не доказывало мгновенности. Доказывало только совпадение в пределах точности больничных часов.

Я записал обе отметки и погрешность.

Потом приказал прекратить активную сейсмику. До этого мы били по массиву, посылая импульсы вниз. Не знал, могло ли это иметь отношение к новой моде. Не знал — значит, не имел права продолжать.

— Бурить не будем, — сказал я.

— Мы и не собирались.

— Теперь не будем даже предлагать.

Лера посмотрела на меня.

— Потому что объект опасен или потому что там ваша дочь?

— Потому что мы не знаем, что вызвали.

Она записала эту фразу в свой журнал. Без комментария.

До рассвета мы сидели у датчика. Пакеты повторяли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.